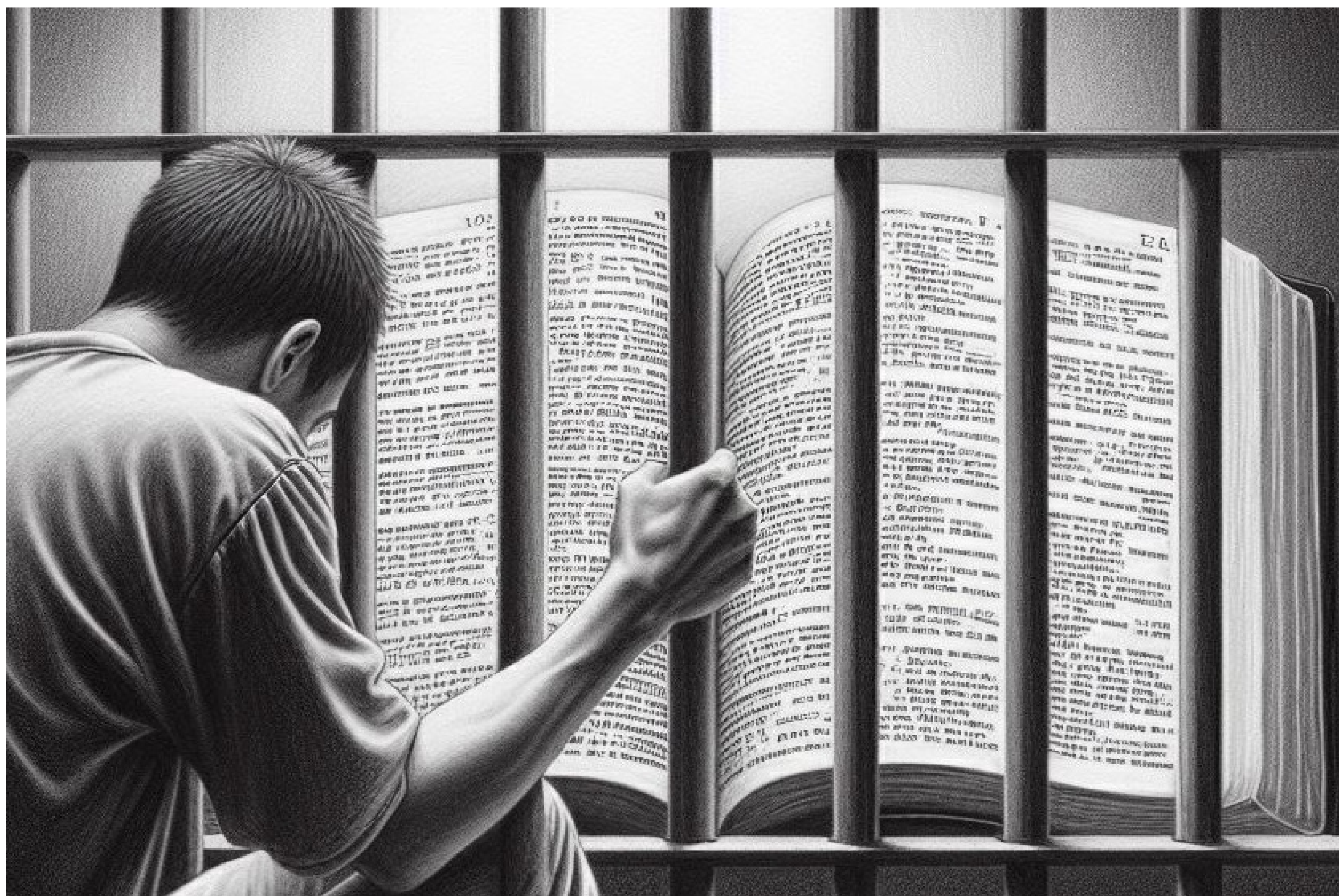
Свидетельство об узах. Брат Александр Иванович Бублик

Заранее прошу прощения, я рассказывать о себе вообще-то не любитель, но ситуация, в которую мы сегодня входим в наше время, заставляет немножко рассказать. Мы воспитывались в другое время, в коммунистическое время. Моё детство - это частые бессонные ночи. Папа у меня был неверующий, мама верующая была. Часто он выпивал. Иногда вызывали милицию, побежим куда-то (звонить), проезжает милиция и отец говорит им: "А зачем вы пришли? Я с баптистами борюсь!" И всё, они поворачиваются и уезжают. Вот в такой ситуации мы воспитывались.

Когда мне исполнилось 6 лет, в это время произошёл суд и моих родителей лишили родительских прав. Я помню тот момент, когда как-то днём из милиции приехали, учителя приехали, ещё воспитатели, чтобы забрать нас из дома. Помню тот момент, когда мы через забор перепрыгнули и побежали кто куда. Соседи кричали: «Вот! Вот они бегут!" В этот день у них не получилось кого-то из нас забрать. Участкова сказал: «Ну ничего, мы приедем в другое время, внезапно, ночью приедем». Мама поблагодарила за то, что он так сказал. И с этого момента долгое время дома мы не жили. Жили мы у других людей, верующих, в другом посёлке, в другом районе. Ни кто этого не знал.
Время было сложное тем, что еще не было разделения, как сейчас у нас есть Совет Церквей и регистрированная Церковь, тогда ещё были все вместе.
В трудный момент пришло желание, и мама обратилась к служителям: "Давайте мы хоть попостимся о том, что бы Бог сохранил в это трудное время". Ну ей сказали, что дети твои и

проблема твоя и церковь сюда не увязывай. И как я помню, она 7 суток находилась в посте, чтобы Бог нас защитил.
Запомнилось ещё то, что мы вместе научились молиться. Помню тот момент, когда нас всё-таки забрали из дома. Мы оказались в приюте. Мне было в это время 6 лет. Помню еще были брат и сестра меньше, а старших забрали в интернат. Что я помню из этого детского приюта? Что мы каждое утро и каждый вечер молились, невзирая ни на что, становились на колени и молились. Пробыли мы там год, потом всех отправляли в детские лагеря за счёт родителей. Мы жили небогато, бедненько жили, родители деньги не дали, ни мать, ни отец, и поэтому нас отпустили назад. И мы опять оказались дома. А потом началась школа. В школе мы были как враги народа. Я помню те моменты, когда вступали в октябрята. Вы наверное не знаете, что такое - октябрёнок? Только слышали, а это было полнейшее идолопоклонство. Каждый школьник должен был на груди носить значок с Лениным. Там его фотография и торжественно вступали в это, какую-то присягу даже произносили, когда вступали в октябрята, делалось это при всей школе на торжественной линейке. И мы учились отстаивать и не вступали в октябрята. Нас за это со школы выгоняли. Проходил какой-то момент и потом в пионеры вступали. Может помните красные галстуки носили на шее повязанные? И ребята, и девчата. То же самое, если мы без галстуков проходим, нас со школы выгоняют. И мы как наивные просились: "Ну, пустите, пожалуйста, нас в школу!" Если домой идти, то нам казалось, что родители будут ругать, тем более папа был неверующий. И вот мы иногда скитались, куда же нам пойти, домой или в школу проситься.
После пионеров комсомольцы. И слава Богу в этом вопросе нас Бог сохранил, мы не участвовали. Прошло время. Я на что обратил внимание, что с самого детства мы учили много мест из Священного Писания на память. Одно из мест Священного Писания мне очень хорошо запомнилось с самого детства. Книга Притч 3 глава:

> 5 Надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой.
> 6 Во всех путях твоих познавай Его, и Он направит стези твои.
> 7 Не будь мудрецом в глазах твоих; бойся Господа и удаляйся от зла:
> 8 это будет здравием для тела твоего и питанием для костей твоих.
> Притчи 3 глава — Библия: https://bible.by/syn/20/3/

Покаялся я где-то в 9 или 10 лет, точно сейчас не помню. В общем рано, у меня было одно покаяние, к этому я шёл долго. Крещение принял в 13 лет. А служение принял в 22,5 года. В 23 года меня рукоположили на благовестника. Ситуация была сложная, нужны были служители. И так получилось, что меня избрали, я был рукоположен на служение.
Я бы хотел немного схематично рассказать. В 26 лет меня арестовали. Арестовали за проведение собраний. Статья у меня была о проведении митингов, шествий и незаконных собраний и сопротивление властям. Вот по этой статье мне и Николаю Ивановичу Колбанцеву дали по два с половиной года.
Я немножко расскажу о ситуации, которая произошла в тюрьме. В своё время мы спрашивали у старших братьев: "Братья! Расскажите, как себя вести в тюрьме? Как там поступать?"
А они говорили: "А оно вам надо? Когда вам надо будет, то Бог вас научит."
И никто, практически ничего и не рассказывал в этот момент. Но нам всегда было интересно, ну как там вести себя?

Вспоминаю как первый раз я попал на 15 суток. Я попал не из первых, один из последних попал на 15 суток. И вот, когда увели, прошёл суд, первый раз осудили за то, что не прекращал петь и размахивал кулаками, вот такое было обвинение, и за это получил 15 суток. Вот я вхожу, а там длинный коридор, с левой и с правой стороны двери, в них небольшие ячейки, и с этих ячеек выглядывают люди. Идёшь и думаешь, что в зверинец попал. Ну точно зверинец. Немножко страшно. Сейчас откроют дверь и тебя туда толкнут, как в ров львиный. И открывают дверь, туда вталкивают, и вдруг слышу голос: "О! Александр! Заходи сюда!" А там уже наши братья были. Анатолий Гордейко и кто-то ещё. Зашёл, помолились вместе, запели песни и стало хорошо. Я не первый. Легко познакомились, молились, пели.
Были моменты, что даже весь этот спецприемник пел, а у нас он был на берегу Дона, где сейчас молодёжь наша гуляет. И тогда тоже народ гулял, и иногда, как запоет весь спецприемник "Любовь Христа безмерно велика..." А люди понять не могут: "Почему тюрьма поёт? Что это такое?" Собирется толпа и слушают, а далее начинаются для нас проблемы. Кого в карцер, кого ещё куда загоняли, ведь как это так, что заключенные песни поют. Но неверующим людям это очень нравилось.
- Ну давайте, святые! Запевайте!
Запели, а они подхватывают. И все знали на память эту песню «Любовь Христа безмерно велика». Это те 15 суток. Закон гласил так: "Если два раза попал на 15 суток, третий раз один год лишения свободы". Первыми попались сёстры. Раз 15 суток отсидели, их отпустили домой, они приходят на собрание и тут же опять на 15 суток. И народ, бывало, домой не попадал. Выходит с суток, а это пятница и прям на собрание. Не доходит до собрания, опять их туда же и опять 15 суток, отсидели и вот второй срок пришёл. Отсидели второй срок, дальше куда идти? На собрание идём! Идут опять на собрание, приходят на собрание и опять на суд. И в этот момент меняется закон - сиди сколько хочешь по 15 суток. Если третий раз уже был год минимум лишения свободы, а тут поменялся закон и можно сидеть сколько хочешь, хоть 10 раз по 15 суток. Но когда шли, то на это не рассчитывали, а Бог в этом моменте поменял ситуацию.
Я помню, когда находился в тюрьме, я некоторые моменты себе пометил. Перед тюрьмой я заболел одной болезнью – туберкулезом. У меня отец болел туберкулезом, я думаю, что я от него заболел. Помню, у нас как раз должен был родиться второй ребенок. Я пошёл, просмотрел флюорограмму, и мне говорят - туберкулез. Я сначала упал в такое уныние, думаю, что ж теперь делать? И опять этот текст мне пришёл на память: "Надейся на Господа". Совершили молитву, ободрился и... прошёл обыск, и меня арестовали. Ну теперь все, в тюрьме, наверное, придётся всё время находиться в больничке, и вот это конец будет. Но когда я пришёл в тюрьму на Кировске, у нас в Ростове, 22-я камера. Зашел туда. Со мной познакомились люди, узнали кто я и почему в тюрьме. Кстати, перед этим были частые переводы из камеры в камеру, устаёшь очень сильно. И первым делом, когда заходишь в камеру начинается всё так:
- Статья?!
Если какая-то мелкая, то проходит.
- Статья какая?
- Сто девяносто первая!
Бабах сзади по шее, как влупят чем-нибудь. Вот так встречали. А потом начинается проверка. Медицинский осмотр и всё остальное. А в камере то того лупят, то другого. Одного избили так, что он пришёл и начал рисовать на стенке, немножко головой тронулся (от побоев). И все в

страхе: "Как будет дальше?" И вдруг место из Священного Писания я увидел на потолке: "Надейся на Господа!". Как хорошо, кто-то раньше прошёл, как хорошо в этот момент... И проходишь, доверяешься, трудности. Помню была камера до того набитая, пересылочная, разные люди, шум, кто что хочет делает, кто кого грабит, кто ещё что-нибудь. Сил там быть ни каких нет, просто прислониться к стенке нет возможности, а это самые лучшие места. Хоть и клопы кусаются, но зато на что-то опереться можно. И вдруг спрашивают меня:

- А ты за что тут?

- Христианин, за проведение собраний дали статью.

А кто-то из угла спрашивает:

- А ты Батурина знаешь?

- Знаю.

- Иди сюда. Спой песню.

И тогда я впервые услышал свой голос. Запел и всё, камера утихла, успокоилась, разговорились. Многие вопросы задавали, кто-то начал рассказывать, что встречался с верующими людьми, а потом уже на место в свою камеру вернули. Зашёл в свою камеру, ну где-то четыре койки двухъярусных в ней. И есть место. Захожу, тоже познакомился с присутствующими и мне вопрос задают:

- Расскажи нам вообще о себе немножко.

- Я сегодня устал, завтра.

Дали тебе мешок с ватой и это такой матрас, весь засаленный. Как хочешь на нём, так и спи. Но потом его сами стирали, переделывали. Лёг спать, отдохнул. Утречком встаёшь и давай знакомиться. Мне говорят, что будем вместе с тобой есть, мы тебя поддержим, ты первый раз, опыта большого не имеешь. Хорошо в семье вместе. И в этом вопросе как-то я был спокоен.

Кто бывал в тюрьме, тот знает, что там живут семьями. Не просто сам по себе. Два-три человека, кто-то получил передачку. И я попал в такую семью. Поначалу всё вроде бы нормально. Потом один из них говорит:

- У меня есть возможность Библию сюда завести. Ты напиши домой письмецо. У меня "коридор" есть, я отправлю. И у нас будет Библия или какая-нибудь ещё литература.

А я вспомнил, как-то Пётр Данилович говорил, что такая ситуация была, действительно написал письмо, и Библию переслали. Решил и я написать. Написал кратенькое письмецо, чуть-чуть о себе написал, жду ответа, а его нет. Он потом подходит и говорит:

- Не дошло письмо, надо будет новое написать. Вот только ты знаешь, что у вас же типография есть?

Он же познакомился и знает, что у нас есть типография и продолжает:

- Знаете, у меня краска дома есть, типографская. Я хочу ее пожертвовать на дело Божие. Ты знаешь, что сделаем, ты напиши, что придёт человек, принесёт чернуху, вы его примите и тому подобное.

Но я понял, что тут что-то не то. Это уже на себя "дело пишешь". Я ответил, что подумаю, помолюсь. Спрашиваю, есть ли у него фотография. Он даёт мне ее, и я написал кратенькое письмецо: "Если человек придёт к вам, я вам фотографию передаю, и потом я вам скажу, что нужно сделать с этим человеком"

А он так возмутился:

- Ничего себе! Ты меня убьешь там вдруг! Так не пойдёт. Пиши, что я тебе сказал, и всё.

И пошла нагнетаться ситуация. И я понял, что этот человек специально подставлен для того, чтобы узнать от меня информацию. Начал я молиться Богу: «Господи! Что мне делать? Писать или не писать? Опыта я не имею...». И в этих переживаниях, в трудностях нагнетается обстановка. Там ещё сидят из банды «Белые халаты», которые издевались над людьми, грабили их. И к высшей мере наказание их приговаривали. И как раз я с ними сидел. И был там один из таких вышибал. И он начинает:
- Давай! Напиши! А если не напишешь, мы будем с тобой разбираться.
В общем на этом и закончился вечер. Я помолился и лёг спать. Проснулся я от одного ясного голоса: "Не пиши!" Впервые я такое услышал в жизни своей. Встал, поблагодарил Бога, и решил твёрдо, писать ничего не буду. И думаю, что надо помолиться Богу и поблагодарить Его. За что можно благодарить Бога? Мне казалось, благодарить Бога не за что. А когда начал перечислять одно за другим и вот, что понял - Церковь молится, жена сохраняет верность... И пошёл перечислять, перечислять и у меня не хватило пальцев на руках и на ногах. Но я после этого ободрился. Утречком встает тот человек, я к нему подхожу и говорю:
- В общем, писать я письмо не буду. Потому что мне Бог сказал: "Не пиши".
Он разнервничался сильно, а я ему говорю:
- Еще тебе новость скажу с сегодняшнего дня я в вашей семье есть не буду. Я от вас отделяюсь.
А это серьёзная проблема в тюрьме, если ты отделяешься. Причину нужно сказать, почему ты отделяешься. И я говорю:
- Я тебе скажу причину. Ты хочешь её озвучивай, хочешь не озвучивай. Вчера пропала банка с повидлом и она сегодня оказалась у нас в тумбочке. А у меня впереди срок. Если я буду есть ворованную банку, завтра мне в тюрьме разборки устроят. Поэтому я есть не буду с вами. Не знаю кто у вас украл или кто вам подложил, но есть я с вами не буду!
Бегал, бегал он и говорит мне:
- Ладно, варенье не ешь, а всё остальное будешь есть.
- Ничего не буду есть с вами.
Я понял, что надо от них как можно быстрее освобождаться. Я говорю:
- Ещё тебе одно дело скажу. Рука Бога будет с сегодняшнего дня на тебе. Потому что так написано: "Рука Бога против делающих зло". Всё! Я разговаривать больше не буду.
Проснулся другой, пошептали, побегали немножко, поговорили. Смотрю, тот первый лёг. Поднялась у него температура до сорока градусов и вот он лежит. Лежит день, лежит два. Таблетки выдавали, я разбирался у них, что за таблетки и давал им их от температуры, сульфадиметоксин называются, а его ничего не берёт. Лежит неделю, лежит вторую, напряжение в камере растёт, а потом он подзывает меня при всех и говорит:
- Александр! Помолись Богу, умру, не буду трогать. Но помолись Богу, чтоб меня Бог исцелил.
Я при всех встал, помолился Богу: "Господи! Окажи ему милость, прости его и исцели".
Где-то через пару часов он встал и стало нормально всё у него. Температура ушла. На следующий день меня с камеры убрали.
Я хотел бы сказать, что надеяться на Бога очень важно в жизни. Очень важно уповать на Бога, а не доверять себе.
Однажды подходит один человек и при всех, а там так тайно не говорят, если что-то говорят, то при всех:
- Скажи-ка, раб Божий, у тебя Бог сильный или не сильный?

- Сильный Бог!
- Ну ты смотри, какая духота у нас тут! Теснота! Ну что твой Бог сильный, не может тебя с камеры вывести? Что ты вместе с нами здесь дышишь этим всем смрадом? Он же может тебя с камеры вывести? Ну ладно, ты скажешь, что ты за Бога страдаешь. Ничего, награда тебе там будет на небесах. Ну скажи, пожалуйста, а что он тебе не может колбасы подогнать? Бог же сильный, ну пусть бы колбасы дал бы, мы бы колбасы поели. Ну ладно, ладно колбасу там, ты скажи, а что ты болеешь такой болезнью, как мы? Почему ты болеешь туберкулезом? Что ты на это ответишь? Что тебя Бог исцелить не может?
Что бы вы ответили, друзья? Знаете, я никогда наперед не думал, что отвечать, мне всегда помнилось то Слово:

> 11 Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперёд, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите, ибо не вы будете говорить, но Дух Святой.
> Евангелие от Марка 13 глава — Библия: https://bible.by/syn/41/13/#11

В тот момент я просто сказал:
- Ты знаешь, я тебе скажу, что я буду у тебя судьёй.
- Каким это судьёй?
- Вот когда мы предстанем вместе перед Богом, ты и я. И Бог у тебя спросит, почему ты не верил в Меня? А ты скажешь: "Господи, если бы у меня было хорошее здоровье, я бы верил. Но вот у меня здоровье было плохое. И как я мог верить?" А я рядышком встану и скажу: "Господи, у меня тоже было такое здоровье, как у него, но я Тебе молился, благодарил Тебя за всё, а он восставал против Тебя". Потом дальше ты Ему скажешь: "Господи, я бы уверовал в Тебя, если бы я в тюрьме не сидел в такой плохой". А я скажу: "Господи, я сидел в такой же тюрьме, такую же еду ел, я молился, а он восставал против Бога".
- Всё! Вопросов нет! - повернулся и ушёл.
Хочу сказать, что Бог знает, как, когда и какое слово дать, как помочь каждому человеку.
Однажды находясь в переполненной камере, на одну койку два человека, спали по очереди, а в основном стоя. И так несколько суток, день за днём, ну в тюрьме есть свои некоторые принципы. Когда человек ест в туалет ходить нельзя. Простите, я откровенно скажу. Туалет находился прямо в камере в уголочке. И поэтому выбирали всегда момент - никто не ест и тогда в очередь становились. И однажды я проснулся вечером, смотрю очередь стоит. Ну и я в неё встал. Только встал, открывается дверь, заходят прапорщики с резиновыми дубинками:
- Выходи на коридор, все кто стоит здесь! - выходим на коридор, — Мы предупреждали, чтобы тут никто не стоял?
А это возле двери, там такая дырочка, куда они иногда заглядывают, чтобы узнать ситуацию в камере? Я говорю:
- А я не слышал про это.
- Ничего, сейчас услышишь.
Нас вывели несколько человек и говорят:
- Держитесь за стенки, покрепче.
Держимся за стенки. Резиновая дубинка это килограмм 80 сила удара. Получил и я пару раз. Какое последствие? Когда-нибудь видели чёрную сливу? Вот такие две полосы, через весь зад.

Ну естественно, брюки одел кое-как, а все в проходе смеются:
- Ну что, раб Божий? И это воля Божия, чтоб тебя здесь отлупили? Ну скажи, зачем тебе Бог допустил, что тебе так дали?
- Я не знаю, зачем, что произошло. Ну думаю, что не без воли Божией.
Проходит неделька, иногда там водят на прогулочку. Ну я тоже ухожу на прогулочку, но кто-то может не идти на прогулку. Комиссия заходит. И спрашивают, какие есть вопросы? Что вас не устраивает? Ну, обычно все люди молчат, боятся, вопросов нет. Ну, а я по своей наивности такой:
- У меня есть вопрос.
- А что у тебя за вопрос?
- А у вас можно бить резиновым дубиналом? И за что? Я слышал, что вообще-то законом запрещено.
Как они возмутились:
- Кто тебя бил? Что ты придумываешь?
Я долго не думая, просто снял штаны, показал, они все в ужасе:
- Караул, кто этот, который над тобой издевался? Ага, хорошо. А кого еще били?
Еще один нашёлся смельчак, то же самое. Записали нас. Через день пошли на прогулочку, а тот остался и вызывают его в оперчасть. Его припугнули. Он там написал, что побили его ещё мало, а он заслужил, что надо было больше дать ему. И вот он пришёл, а мне говорят:
- Сейчас тебя вызовут. Ты знаешь, что тот отказался, сказал, что никто его не бил, все нормально. Что ты будешь делать?
- Время покажет.
Через минут 20 вызывают. Подхожу, комиссия собралась:
- Расскажи, как было.
Я рассказываю, как было, они записали. А потом зачитывают:
- Нет! Я не так диктовал.
- Так может ты откажешься?
- Нет, отказываться не буду.
Потом медицинская комиссия проверила меня и всё, свободен. Вечером проверочка. А там знаете, как проверочка проходит? Выходят все из камеры и мы должны сразу сесть и руки назад. Сидим в два ряда. Только я сел и опять тот же, который бил ко мне подходит и вопрос:
- Как фамилия?
- Всё так же, Бублик!
- Ты сорвал проверку, ты разговаривал. Я на тебя пишу рапорт.
- Вы хоть скажите, с кем я разговаривал?
Ничего не говорит. Дня через два вызывают в оперчасть. С угрозами, с криками:
- Да мы тебя в спецкамеру посадим! Да там что-то с тобой сделают...
И чем только не угрожали.
- Ну, хорошо, придёт время, я, наверное, сообщу где нужно.
А тот сразу:
- Скажите, а "Вестник Истины" это ваш?
- Наш.
- А журнал Отдела заступничества Совета родственников-узников это ваш?

- Наш.
- Давай мы с тобой договоримся?
- О чём мы договоримся?
- Мы тебя трогать не будем и ты нас не трожь?
- Да, конечно, пойдёт!

Насколько просто оказалось ходатайство и всё. И нашу камеру обходили десятой дорогой. Как только заглянули, что мы там: "Проклятая камера!", поворачиваются и уходят. Начальство к нам просто не подходили.

Потом и с Николаем Ивановичем мы были вместе и одновременно после суда. Как только "коня прогонял" кто-то. То есть здание метров за 40 в другом месте, окна загороженные, баянные, чтобы только было чуть-чуть небо видно вверху. И в эту щелочку умудряются просунуть трубку. Носок распустят, получат тонкую ниточку, хлебушка пожуют, привяжут, намотают его. Потом из газеты делают трубу и как дунут в неё, метров через 40 в окошко в такое же влетает ниточка. Потом по этой ниточке веревочку, потом к этой веревочке привязывают всё, что надо. Чай, одежду перегоняют, всё, что надо, с камеры в камеру. Ну естественно, это высота на четвёртом, пятом этаже. Прапорщики ходят, обрывают. И как-то у нашей камеры заметили, что "коня гоняли". Влетают к нам:

- Кто "гонял коня"?
- Никто не "гонял коня". Всё тихо, спокойненько.
- На коридор всех, а это значит, что всех бить будут.

А потом перекличка и фамилия - Бублик, а второго - Колбанцев:

- Заходите, ребята, обратно в камеру.

И все сразу:

- А что случилось? О, это ж с нами святые, как хорошо нас бить теперь не будут.

Так прошло некоторое время, потом нас убрал оттуда, и как отлупили всех. И закончилось на этом дело.

Я один момент хотел бы вам рассказать. Немножко раньше, из нашего детства. Может быть оно вам тоже пригодится в жизни. Закончился первый класс. И вдруг нас срочно вызывают в школу. Меня, ещё одного, он сейчас в регистрированном собрании этот парень со школы, и ещё одного, моего брата. Вызвали на допрос. Проходим, милиционер, ещё кто-то и учителя. Фотографии показывают. У нас в детстве тоже были детские собрания и с нами занимались. Разгоняли за это и не допускали. И нам те говорят, что с нами занимались те или другие и нам фотографии показали, а сами что-то пишут потихонечку. А потом говорят:

- Если вы тут распишетесь мы вам мороженое купим или денег на мороженое дадим.

Я уже говорил, что мы были из бедной семьи, опыта никакого не имеем, с радостью расписались там, где надо. Нас в машину, и к ларьку, мороженое купили, ещё денег дали целый рубль, ещё на мороженое, и мы такие довольные идём домой, приходим:

- Мама! Нам мороженое купили, ещё и денег дали!"
- А за что, ну-ка расскажите, за что.

Ну потихонечку рассказываем:

- Так вы же предатели! Что вы сделали, вы предали людей, теперь их судить будут!

Действительно прошло некоторое время, вызывают нас на суд. Идёт суд, семь человек судили, ну и те, кто с нами занимался, тоже попали под суд. А мы, как свидетели, мы же подписали,

теперь нас по одному вызывают на суд, как свидетелей. Хорошо, что тогда нам подсказали, как себя правильно вести на суде. Когда мы пришли, нам сказали просто-напросто, вы расскажите правду, как всё было. Я прихожу на суд и мне говорят:
- Ну расскажи, как всё было.
Ну я и рассказываю:
- Нас пригласили в школу, показали фотографии, пообещали нам купить мороженое, если мы распишемся здесь. Мы подписали, нам купили мороженое и рубль дали ещё.
И в общем нас повыгоняли из зала суда, и меня, и брата за такое свидетельство.
Но в тот момент мне легло на сердце, что придёт время, и я тоже буду сидеть. Вот почему-то сразу, что тоже буду сидеть. Прошло время и в 26 лет меня посадили.
Я вам хочу еще некоторые моменты рассказать. После того, когда нас побили так, успокоилось всё. Я сидел с человеком по фамилии Пиявкин. Он сидел, я уже сказал, по материалу "Белые халаты". Они приходили к будущим жертвам как врачи, звонили в квартиру, люди открывали, они входили и грабили, что хотели, то и делали в квартирах. Потом их выловили. И один из них, этот Пиявкин, в камере себя вёл плохо. Буянил. Ему терять нечего было, он выходил на допросы и знал, что у него будет высшая мера наказания – расстрел. И вот он однажды меня подзывает и говорит:
- Александр, хочу поговорить!
Рассказывает о своей истории. У него большой том всех этих дел его.
- Ты знаешь, я завтра последний раз иду на допрос, на суд. Мне приговорят высшую меру наказания – расстрел. Больше мы не увидимся. И знаешь, что я хочу? Я хочу покаяться.
Вы знаете, я настолько обрадовался:
- Давай! Я сейчас остановлю всю камеру, наведём порядок, и ты покаешься.
Он говорит:
- Нет, нет, нет! Ты что?! Так каяться нельзя здесь. Вот как мы сидим с тобой рядышком, вот так сидя, я и покаюсь.
Было приятно. Человек искренне покаялся, говорит:
- Господи! Я достоин, меня расстреляют. Ну Ты меня помилуй, чтобы я не лишился вечности.
Больше я его не видел. Его забрали и к высшей мере приговорили.
Я хочу сказать, что это приятные моменты, когда в этих трудных ситуациях Бог даёт и такое ободрение, когда люди обращаются к Богу.
Ещё один момент расскажу. Когда мы находились в тюрьме, все говорили: "Есть в тюрьмах красные зоны. В красную зону, когда придёте, там обязательно будут заставлять вступать в какую-то секцию. Или секция «Правопорядка» или секция «Спорта» какого-нибудь, или ещё что-то и их там семь. Это называется «Красная зона». То есть ты встал на путь исправления, если ты вступаешь в секцию. Работать начинаешь на властей."
И вот все едут и чуть ли клятву не дают друг другу: "Ни в коем случае в секцию вступать не будем!" Все обещают друг друга. И я еду с этими героями в "воронке", набитом до отказа. Приезжаем и поздно вечером попадаем мы в отряд. И со мной эти же люди, которые других убеждали, чтобы ни в коем случае в секцию не вступали. Заходим, сидят ЗэКи, такие же самые, но которые уже держат всю эту зону и говорят:
- Так, ребята, надо вступать в секцию. Кто-нибудь вступает в секцию, бить будем сейчас.
А эта зона прославлена тем, что действительно бьют и сильно бьют. И начинают один за другим

все потихонечку подписываться и вступают в секцию. В секцию вступил, проходи, место тебе, там где будешь спать. Я остаюсь последним:
- В секцию вступать будешь?
- Я уже вступил.
- В какую секцию?
- В Церковь Евангельских христиан баптистов.
- Это не секция. Нет, ты должен вступать в секцию.
Вы знаете, на что я обратил внимание? Ну да, действительно били. Били крепко. И ногами, и руками били. Когда я слышал свидетельства за Ваню Моисеева, за других людей у меня всегда возникал вопрос: "Как они выдерживают, когда их мучают, бьют? Что с ними происходит в этот момент? Хватит ли силы вообще устоять в этот момент?" Вы знаете, в этот момент я ощутил особую милость Божью или особое присутствие Божие, что было не больно, когда били.
Однажды я читал Библию, но вы тоже читали о том, когда пьяного человека бьют и он говорит: "Били меня, и больно мне не было. И поэтому завтра пойду делать то же самое". Вот это испытал я в жизни своей. И причем не один раз, когда били и долго били, и неслышно боли. То есть не чувствуешь, совершенно спокойно себя ведёшь. А ведь руками и ногами бьют.
Такая ситуация была у нас в Коршах. Когда мы поехали в Корши, для того чтобы там проповедовать, там не было верующих, никого. Первую неделю мы проповедовали и крестили сразу двоих человек, на вторую неделю мы крестили ещё двоих человек. Потом нас арестовали. И тоже, когда нас забрали в отделение милиции, там били, били очень долго. На допросе били, даже Библию мою на голове разбили у меня. Били и ключами, били и ногами. Ноги расставили и бьют, власть имеющие бьют столько, сколько хотят. Минут сорок били. И я обратил внимание на то, что Бог даёт в этот момент силы, что не чувствуешь боли. Они удивляются этому: "Ты что, спортсмен что ли? Не было ещё такого кто выдержал бы". И в этот момент потихонечку свидетельствующий. Поэтому хочу вам сказать, когда посещают человека страхи - как ты себя будешь вести - самое главное, наперед не нужно задумываться, о тебе позаботится Бог.
В жизни моей такая ситуация была. Я проводил собрания очень часто, в это время приходила милиция. Вы знаете, какое чувство посещало, когда заходит милиция? Тебя начинает трясти так, что у тебя ноги одна об другую бьются. И я сразу понимал, сегодня я буду дома, ничего со мной не случится. Вот такое у меня свидетельство. Если трясёт, то тебя никто не тронет. Если не трясет, ты сегодня попадешь на 15 суток минимум. И так всегда было. Если зашли власти, и я себя чувствую совершенно спокойно, я уже знал, что домой я не приду. Если меня трясет, то всё, домой я приду. Никаких проблем нет. Бог знает, как человека вести. И когда меня арестовали, в тот момент у меня был совершенный покой. Я знал, что домой я больше не приду.
Однажды в зоне был праздник. Решили устроить конкурс зоны. И спрашивают: "Кто участвовать будет?". И отряд надо защитить, на первое место его вытащить. А там было 12 отрядов. Спрашивают: "Кто умеет играть, кто умеет петь?" Кстати, я вам хочу сказать, как хорошо, если мы умеем хотя бы на гитаре играть и знаем на память песни. В тот момент я знал 43 песни на память. Кто-то мне писал в письмах и я их заучивал. На гитаре я умел играть. Иногда даже бывало так, гитара появлялась где-то в зоне. И в тот момент было то же самое, надо было на эстраде перед всей этой зоной выступить и что-нибудь спеть или рассказать. Обычно все, кто вступает в секции, те и защищают. А я же не вступал в секции. Смотрю, они ищут, ищут. Найти не могут человека. Я спрашиваю:

- Что вы ищете?
- Да надо отряд защитить. Кто умеет петь или играть?
- Ребята, я вас вытащу на первое место. Наш отряд займёт первое место.
- А что ты умеешь делать?
- Я могу петь. Пятьдесят песен спою, если надо. Я могу говорить часами, стихи рассказывать. Я вытащу на первое место весь отряд.

А мне было тогда 24 года. Начались репетиции, а я понимаю, если я на репетиции один раз выйду, меня никто не выпустит на эстраду. Они меня принуждают идти на репетицию, но я стою на своём:

- Ребята, я вам говорю, я вас вытащу на первое место, но на репетицию я не пойду.

Проходит месяц, второй и вот последняя генеральная репетиция. Я опять отказываюсь идти на неё, и сообщаю им, что завтра выйду на сцену. Но они не выдержали. Вызывают меня майор, замполит и говорят:

- Мы слышали, что ты участвовать готов завтра на конкурсе?
- Да, с удовольствием.
- А что ты будешь делать?
- Все что надо. И спою, и скажу. Я буду за наш отряд воевать.
- Ну ладно, да ты хоть одну песню можешь нам спеть?
- Нет, я завтра спою.
- Нет, сегодня. Я должен знать, что ты будешь петь!

Собрались все ответственные.

- Ну ладно, — говорю им, — Несите гитару.

Я играю на семиструнной гитаре, на шестиструнке я вообще не играю. Они проносят шестиструнку. Я помолился внутренне, перестроил её на семиструнку. Как-то Бог дал мгновенно её перестроить. И первую песню я спел, которую меня всё время просили в тюрьме: "Пой её, и ты на суде её спой, это будет твоё защитное слово!" Песня эта "В часы тревог унынья и сомненья", как счастлив я, что я Христа имею. Спел я её, смотрю, он надулся. И говорит:

- А у тебя что-нибудь другое есть?
- Есть!
- На другую тему?
- Есть на другую тему.
- Не о Боге же есть? Но спой что-нибудь другое.

И начинал я петь другую "Осенние листья на землю спадают". Знаете такую песня? В общем, там доходит до этого момента, что я забыл слова уже. За небо там что-то запел, и когда запел, что там я сольюсь со всеми святыми в вечных обителях Бога и Отца, вдруг такой грохот по столу кулаком:

- Конец! 15 суток тебе! Иди суши сухари! Всё! Сорвал ты нам всё!

Кричит и тут же кричит на других: «Как вам не стыдно! Человек за это сидит! Провокацию у нас устроить хотел! Всё взорвать здесь! А вы не можете подготовить! Зовите отрядника!» Ну, я иду, а на встречу уже бежит отрядник старший лейтенант:

- Ты что натворил?
- Песню спел.
- Иди, иди, я тебе сейчас спою песню.

Прихожу я на своё место. Он пошёл и ему замполит наугрожал хорошо, тот прибегает:
- Ты что сделал?
- Песню спел.
- А ну-ка, давай сюда, заходи. Пой песню!
- Гитару давайте.
Притащил гитару, собрались, спел песню и слышу от него:
- Молодец, так им и надо. Никуда ты не пойдёшь, не посадим мы тебя.
Ещё я бы хотел сказать, что мы стесняемся такого простого момента, но петь надо.
Я скажу, что в армии пел, в тюрьме пел.
Ещё один случай расскажу. В зоне, где я сидел, прошло где-то полгода. И мне говорят:
- Ты знаешь, а ещё есть верующий в зоне, он в другом отряде
- Познакомьте меня с ним.
Через некоторые время приводят человека, он сидит за отказ от присяги. Три года ему дали. Молодой парнишка, ещё не член церкви. Зовут его Ваня. Познакомился я с ним и первый спрашиваю:
- Ваня, а как ты молишься здесь?
- Ложусь под одеяло, с головой укрываюсь и молюсь.
- Ваня, я тебе могу гарантировать, ты ни разу не смог помолиться, чтобы тебя никто не перебил. Правда?
- Правда! Как только начинаю молиться, так кто-нибудь окликает, сразу зовёт или ещё что-нибудь.
- Слушай, у меня есть к тебе совет. Вот я тебе рассказываю, как я молюсь. Я молюсь так, становлюсь прямо возле кровати на колени и молюсь. И знаешь, меня никто не трогает.
А он уже больше чем полгода просидел, уже привык по-другому молиться. Теперь ему нужно поменять схему молитвы. Я ему говорю:
- Давай я за тебе буду молиться, а ты с сегодняшнего вечера приходи и становись на колени и молись Богу, и я гарантирую тебе, никто тебя не тронет.
Помолились с ним и расстались. Утречком встречаю его и спрашиваю:
- Ваня как дела?
- Никто не тронул. Как будто всегда так было.
С этого момента начал молиться всегда на коленях. И вы знаете это даже интересно. Вот вы в больнице будете, ещё где-то будете, и тоже будете под одеялом молиться? Или будете на колени склоняться? Это же всё-таки очень важный момент. Мы же христиане и должны себя как-то правильно повести. Но знаете, бывает так, встанешь на молитву, кто-нибудь рядышком становится, паясничает. А кто ещё как-то.
Однажды стою на молитве и кому-то надо было пройти, а проходики узенькие. Если я встал, то уже никто не пройдёт. Пока я не помолюсь дальше в проход никто не пройдёт. И кто-то лезет через меня, а другой его за шиворот хватает и кричит: "Куда ты? Святой молится, а ты через него лезешь, назад!"
А сколько было таких моментов, когда люди в трудности просили: "Помолись и о нас" И это очень хорошо. И люди серьезно обращались для того, чтобы помолиться о них. В общем, мы с этим Ваней очень хорошо дружили, часто встречались, о многих вопросах беседовали, молились вместе. У нас были очень доверительные отношения.

Однажды Ваня приходит с работы, и я смотрю, это не тот Ваня. Замкнулся и разговаривать не хочет. Я говорю:
- Ваня, а что случилось?
- Ничего, все нормально.
- Не может быть, Ваня, что-то случилось. Но я же чувствую, что у нас разговоры не клеятся. До этого у нас был такой всегда открытый сердечный разговор, мы как родные братья разговаривали. А сегодня у нас что-то не клеится разговор. Скажи, что случилось
Он крутился, крутился и говорит:
- Ну ладно. Ты никому не скажешь? КГБ приезжал ко мне сегодня на работу и предложили мне раньше освободиться при одном условии: "Освободишься раньше должен ходить в собрание, туда же куда и ходил, но если вдруг шпион там появится, ты нам сообщишь. Мы тебя иногда будем спрашивать. Вот ты дай на это согласие. И всего-навсего. И знаешь, и с сегодняшнего дня напиши письмо домой отцу, пусть он тебе Библию пришлёт. Мы тебе разрешим Библию здесь иметь. Ты будешь спокойненько жить. А отцу можешь не рассказывать. Ну ты должен прийти и вот так поступить". А потом ещё спрашивают: "А ты Бублика знаешь? К тебе ещё одно условие - ему ни одного слова".
Ваня пообещал, ни одного слова и понятна стала эта проблема. Он мне потихонечку рассказал всё это дело, перепуганный очень. Я говорю:
- Ваня, хочешь больше с ними никогда не встречаться?
- Хочу.
- Ну, я тебе расскажу как. Это очень легко и просто....
Друзья, запомните этот вариант, придётся в жизни может быть тоже столкнуться с этим.
- Очень легко и просто. Бери листочек. Тебе же сказали, пиши письмо отцу. Вот бери листочек и описывай всё. Притворись ненормальным, глупеньким человеком. И пиши всё. Приходил ко мне такой-то человек. Предложил мне, что раньше отпустит меня на свободу. Если я приду в Церковь, вдруг шпион появится и сообщить об этом моменте. Да ещё он сказал, что папа Библию пришлёт. Папа! Пришли мне Библию, мне разрешили Библию сюда, и ещё напиши в конце, только он мне предупредил, что Бублику ничего не говорить. И запиши, запечатай, и отправляй домой это письмо. Я тебе гарантирую, оно домой не придёт, оно придёт к нему.
А через дня три меня вызывают в оперчасть. Я ж понимаю для чего вызывают. Ну и так о том, о другом, о третьем, как живется, никто тебя не обижает. А потом спрашивает:
- А ты Еретьева (неразборчиво) знаешь?
- Знаю.
- А вы с ним общаетесь?
- Общаемся.
- О чём вы разговариваете?
- Обо всём и даже о том, как вы его обрабатывали.
Он по столу ударил и как закричит:
- Говорил я им, что провалите! Вот глупцы!
И всё, больше его никто ни разу не тронул. Никто не позвал его, забыли за него навсегда.
А у них принцип, когда они разговаривают с человеком то первое при любом разговоре упоминают: "Разговор должен остаться между нами. Если ты кому-нибудь расскажешь, дело пропало". Что под этим словом подразумевается "дело пропало"? Как будто тебе будет плохо. А

вопрос то в том, что это у них пропало дело, и никакого толка нет. Так вот мы это знали с детства. Если меня кто-нибудь где-то на допрос повел или просто поговорил участковый, или ещё кто-нибудь, нужно обязательно прийти и всем в Церкви рассказать. После этого тебя никто ни разу не тронет. Они больше не захотят встречаться с тобой. Это такой принцип. Такой же принцип у сатаны. Если он тебя втянул в грех, то смотри и молчи, никому ничего не рассказывай. И человек ходит и мучится. И кто ничего не рассказывает, его начинают подтягивать, подтягивать и он становится предателем. Нельзя таить тайну из этого дела. Если ты тайну не умеешь хранить, то с тобой дело не будут иметь. Я спрашиваю его:
- А зачем же вы людей портите? Вы делаете их предателями, молодых людей, а как дальше? А вдруг какая-то проблема в стране и так далее?
А он мне и говорит:
- А мы им пометочку ставим "неблагонадёжный".
Они с этим соглашаются. А потом говорит:
- А мы других методов не знаем, подскажи, каким методом нам по-другому работать? Мы только так и умеем работать.
Это серьёзная машина, поначалу кажется, что всё мелочи - запугивать на что угодно и "обнародуем твои недостатки" и грехи, что угодно придумают лишь бы ты только согласился. Если ты прошёл и открыто сказал, то всё, за тебя забывают и больше тебя не трогают. Это вы должны запомнить!
Прошли эти годы, много Бог являл милости, я всё не рассказываю, но один последний момент. Когда заканчивается зона, приходит время на освобождение, все обычно друг у друга берут адреса: "Дай свой адрес, я к тебе в гости приеду, может ты ко мне приедешь, мы тут подружились, как-то будем общаться дальше". Проходит мое время, а я ни у кого ничего не беру. И у меня спрашивают:
- А что все берут адреса, а ты не берёшь никаких адресов?
- Да если мне надо, я найду вас и так без адреса.
Они в таком перепуге все. Мне посылали же массу писем и они говорят: "Действительно, у него во всем мире есть люди, от него никуда не спрячешься. Если он хочет, найдёт в любом месте". Когда друзья пишут, знаете, какое ободрение в этом. И зачем я буду брать у них адрес, я точно знаю, что я к ним не пойду в гости. Я с ними никаких дел-то не буду иметь. Но я хочу сказать, а это оберегает. Если что-то даже и хотели бы сделать, но бояться.
Однажды пришла статья под названием «Диверсия без динамита». Это была статья, написанная за меня и за Николая Ивановича Колбанцева. О том, что мы как шпионы имеем связь с заграницей. И чего только там нет... В общем на целую газету. И заходит один бесконвойник, тоже заключенный. Я с ним в хороших отношениях был, он говорит:
- Александр, такую статью на тебя написали, тебя здесь убьют в зоне.
Я уже предупрежден. И вечером, на следующий день, приходит с работы этот же бригадир, он там у нас вышибала был:
- Вы знаете, какая статья на него вышла? Мы ему голову проломим и нас на УДО (условно-досрочное освобождение) отпустят. Вы знаете, это ж мы дело большое сделаем.
А я лежу и делаю вид, что сплю, спокойненько молчу, молюсь. Потом слышу он кричит:
- Бублик!
Я молчу, а он не унимается:

- Бублик! У-у-у, смотри, святой! Спит же, Бог ему сон даёт.
А я понимаю, зачем я буду с ним разговаривать в этот момент. Я уже знаю всё.
- Ладно, мы ему утром подстроим что-нибудь.
Но утром я уже знаю напряжение будет серьёзное. Будут искать повод любой, чтобы подраться. Я спокойненько, не давая повода делаю всё, чтобы нигде не было зацепки. Начинается развод. Подходит один из прапорщиков и говорит:
- Кто такой Бублик здесь? Случайно ударю, проблем будет столько, надо его десятой дорогой обходить.
Ему говорят:
- Так вот же он стоит!
- А-а-а, но хоть будем знать. Познакомиться хоть с тобой, чтобы случайно я тебя не ударил.
А потом подходит и говорит:
- А если тебя будем бить, что ты будешь делать?
Это спрашивал тот же человек, который угрожал голову проломить. Я ему говорю:
- Защищаться буду.
- Ну, а как ты будешь защищаться?
- Это мой вопрос, как я буду защищаться. Но я буду защищаться.
А я и сам не знаю, как защищаться. Вы знаете, походили, походили: "Ну лучше не трогать, а иначе кто его знает, чем закончится"
Выходим на платц, выстраивается вся зона и замполит объявляет в селектор:
- Бублик, ну ты и дожился. Ты представляешь, в газету про тебя написали. Я столько лет служу, ни одного слова в газету не написали. А о тебе такую газету написали. Ты прославился на весь мир. Как это так?
Вызывает начальник зоны. И начинает меня склонять:
- Давай, вступай в секцию. Если ты вступишь в секцию мы тебе поощрение дадим, ты же встал на путь исправления.
Но я уже понимаю, а зачем спорить. Я просто ему "угукаю", соглашаюсь, а он мне рассказывает, рассказывает. С полчаса рассказывал, а потом говорит:
- Ну ладно, вот тебе листочек, пожалуйста, садись, пиши заявление.
- Знаете, я ещё до этого не дорос, чтобы вступать в секцию. Я вступил в одну секцию, в баптисты и больше никуда не хочу.
Как он закричал:
- А, так ты у меня здесь полчаса "угукаешь", меня за нос водишь. А ты знаешь, что вчера жена твоя приходила. Да я тут отряд на неё вызывал, чтобы с кабинета вытащить. Она тут требовала свидания, требовала ещё что-нибудь. Почему ты жену свою не воспитываешь?
- А как я буду её воспитывать? Я здесь, а она там. Дайте свидание, я буду воспитывать.
- Ты знаешь, что на тебя газета вышла? Запускаю газету в зону, провожу политзанятие, посмотрим, что с тобой будет.
- Запускайте.
Запустили газету, устраивают они политзанятие. Этот замполит входит, настраивает присутствующих:
- Это враг народа! У него деньги в швейцарском банке хранятся...
И как нарисовал, что меня и на машинах встречать будут и что я тут сижу, а мне там дома строят

и плёл-плёл. ЗэКи послушали и говорят: "Единственный правильный человек в зоне. Мы за дохлую курицу сидим, а у него там в Америке..." И как повалил народ, как в зоопарк, хоть посмотреть, хоть о чём-нибудь поговорить, но хоть расскажи, как так могло получиться, что тебя весь мир знает.
Я хочу сказать, знаете, Слово Божие говорит:

> 17 Ни одно орудие, сделанное против тебя, не будет успешно; и всякий язык, который будет состязаться с тобою на суде, — ты обвинишь. Это есть наследие рабов Господа, оправдание их от Меня, говорит Господь.
> Исаия 54 глава — Библия: https://bible.by/syn/23/54/#17

Это наследие боящимся Господа. Друзья, я бы хотел, чтобы в жизни своей вы могли надеяться на Господа и на Слово Его. Будет хорошо, но если этого основания не будет, то придут испытания в вашу жизнь. Хотите или не хотите, но если надежды на Бога не будет, то не устоите. В первых испытаниях упадёте. Кто надеется на Господа, тому хорошо. Написано:

> 7 Благословен человек, который надеется на Господа и которого упование — Господь.
> Иеремия 17 глава — Библия: https://bible.by/syn/24/17/#7

Друзья, я бы хотел, чтобы попросили Господа: "Помоги нам надеяться на Тебя". И когда трудности появляются, не пытайтесь от них уйти. Написано наоборот:

> 2 С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения,
> 3 зная, что испытание вашей веры производит терпение;
> 4 терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка.
> Послание Иакова 1 глава — Библия: https://bible.by/syn/45/1/#2

Вот Бог начинает работать, проводить через трудности, закаляет нас, готовит нас к большому делу. И Он никогда не оставит ни одного человека.
Кстати, когда я попал в зону, у меня была болезнь. И первое, что я думал, что мне дальше делать с моей болезнью? На свободе я мог чем-то лечиться. А чем в тюрьме будешь лечиться? И я этот текст взял за основание:

> 5 Надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой.
> 6 Во всех путях твоих познавай Его, и Он направит стези твои.
> 7 Не будь мудрецом в глазах твоих; бойся Господа и удаляйся от зла:
> 8 это будет здравием для тела твоего и питанием для костей твоих.
> Притчи 3 глава — Библия: https://bible.by/syn/20/3/#8

Когда этот текст я исполнил, я подумал: "Вот это мне и надо, чтобы это было здравием для тела моего и питанием для костей моих".
Я вышел из зоны, пошёл, проверился и оказался совершенно здоровым человеком. Когда туда люди приходили сильные, крепкие, и через три месяца их отвозили на больничку с туберкулёзом, а я получил там исцеление.
Как-то к нам в зону "зашла" инфекция Боткина, желтуха по-другому называют. И вот в три яруса койки, и представьте себе вокруг все один за другим заболели. А меня Бог сохранил и ещё

несколько человек. Для людей это свидетельство было. "Конечно, он святой, его Бог хранит. А нас кто?"
Когда мы удаляемся от зла, Бог хранит нас. Я как-то вам рассказывал, как однажды меня спрашивали: "А Церковь что скажет?" Мне сразу вспомнилось это место: "Удаляйся от зла". Это тот случай, когда крысу поймали.
Я вам хочу сказать, в любых ситуациях всегда удаляйтесь от зла. И это будет здравием для тела вашего и питанием для костей ваших.
Помолимся Богу. Аминь.

Евгений Никифорович Пушков: *Находясь в узах, многие наши братья не роптали на судьбу, а благодарили Господа за то, что Он доверил проходить тернистым путём, быть свидетелями в тех трудных условиях. И вместо ропота слова благодарности были на их устах. Звучит гимн на слова Александра Бублика "Благодарю Тебя, Господь"*

1. Благодарю Тебя, Господь
За то, что устоять дал силы.
Хоть и в тюрьме страдает плоть,
Но всё же я теперь счастливый.
И это счастье Ты мне дал –
Не заслужил его ничем я,
Но Ты мне милость оказал
И за меня понёс мученье.

2. Ты помогаешь, Боже, мне
Идти тернистою стезёю
К святой заоблачной стране,
Твой глас звучит: "Иди за Мною!
Я поведу тебя вперёд
Сквозь жизни шум и чрез гоненья
В страну, где избранный народ
Поёт с восторгом гимн хваленья".

3. Теперь иду я за Христом
Спокойной, твёрдою стопою;
С Ним вместе в небо мы войдём,
Куда стремлюсь я всей душою.
Всем сердцем славлю я Тебя –
Утешен я, Господь, Тобою.
Как хорошо идти всегда
Тобой проложенной тропою!

Комментарии
